

Б. Г. НУГМАН

(Карагандинский государственный технический университет, Караганда, Республика
Казахстан)

К КОНЦЕПЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ В НЕПРОФИЛЬНЫХ ВУЗАХ

Аннотация. В статье автор, сопоставляя в историческом срезе различные подходы, существующие в освещении того или иного исторического явления, приводит наиболее аргументированные временем цивилизационный подход. Это теоретическое положение положено в основу исследования учебной программы. Разработанное в соответствии с современными требованиями изучения данного курса в непрофильных вузах, оно учитывает и обобщает достижения историософской науки, а также национальной истории как учебной дисциплины.

Ключевые слова: учебная программа, непрофильный вуз, исторические явления, национальная история.

Тірек сөздер: оқу бағдарламасы, бейімді емес жоғары оқу орны, тарихи құбылыстар, ұлттық тарих.

Keywords: curriculum, a non-core University, historical events of national history.

Для казахстанских гуманитариев нет сегодня задачи более актуальной, нежели проложить дорогу в этом колоссальном поле взаимодействия национальной идентификации и динамичных императивов времени. Ибо «суть прогресса исторического знания состояла и состоит в движении мысли от событийной стороны истории к ее процессуальной стороне, от взгляда на историю как на совокупность, пусть связную, событий к пониманию ее как процесса» [1, с. 95]. В подобном плане инвентаризация «наследия» – есть реальная идентификация в настоящем и метод реализации поставленной цели. И многое другое для того, чтобы данная цель смогла помочь студентам непрофильных вузов целостно осмыслить национальную историю в системе мировой культуры как действию общих и особенных законов и закономерностей. Тем самым она заложит основу, которую называем гражданским долгом, социальной ответственностью и патриотизмом.

На заседании по итогам реализации государственной программы «Культурное наследие» от 13 апреля 2007 года Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев в постановке вопроса «Для чего была задумана такая масштабная программа, что она дает

нам?» отметил: «Хочу подчеркнуть, что программа «Мәдени мұра» отнюдь не ограничивается сугубо утилитарными целями восстановления нашего историко-культурного наследия. Ее главное предназначение – достичь позитивных сдвигов в общественном сознании... мы долгое время были в плену навязанных извне ложных представлений и предрассудков о кочевом образе жизни как исторически тупиковом пути, не создающем культурных богатств. Оказалось, что мы толком не исследовали кочевую культуру и только сейчас начинаем овладевать методологией, нужной для понимания природы кочевой цивилизации... Преодоление этой инерции исторического беспамятства особенно важно для воспитания подрастающего поколения» [2].

В данной постановке научно-исторической проблемы главное – не ошибиться и на основе объективной концепции выработать «историческую ценность». Начнем, ссылаясь на древнюю мудрость: «Если ты в смятении, вернись к началу» – так просто и понятно. В связи с этим уместно привести слова С. Хантингтона: «Не определившись со своей идентичностью, люди не могут использовать политику для преследования собственных интересов» [3]. Проблема исторической идентификации не обошла и Конрада Лоренца, он писал: «...разрушение традиции сопровождается очень интенсивным чувством страха и стыда... С этим тесно связан и процесс, который мы называем поиском идентичности... Попытка «скопировать» привлекательные черты иной цивилизации и перенести их на свою почву обычно кончается хаосом и разрушением собственных структур. Ибо даже в самом лучшем случае на свою почву переносятся лишь верхушечные, видимые плоды имитируемой цивилизации, которые нежизнеспособны без той культурной, философской и даже религиозной основы, на которой они выросли» [4]. Ибо человек и его культура определяется прогрессивностью центральной идеологией.

В исследованиях, так называемом «начало», Ш. Уалиханов отмечал: «Казахи названия своих родов объясняют именами родоначальников, предков..., а современное соединение их в общий союз орд – каждое племя присоединившихся принимается за нечто неделимое, целое и принимает значение генеалогическое» [5]. Казахи считали себя рожденными *Тенгри*, происхождение различных родов связывалось с различными героями – первопредками: Алаш, Жанарыс, Бекарыс, Акарыс и т.д. Именно вокруг таких планов формировалась, и функционировало кочевая, и в том числе казахская культура.

Начать, на мой взгляд, нужно с понятия «казаховедения». Оно является самым важным не только для исторической науки, но для всех вообще гуманитарных наук. Обращаясь к анализу смысла слова «казаховедение», мы сразу же сталкиваемся с тем, что оно имеет не одно, а множество значений.

В настоящее время существует обширная научная литература, посвященная изучению самых различных аспектов и вопросов культуры номадов. В древнюю эпоху в отношении кочевников оседлый мир создал мифический образ «варваров неведанной силы и страха». В эпоху средневековья видим те же описания, но уже с представлением об особом кочевом мире, в частности, о наличие особого кочевого типа хозяйства. В арабских источниках «проблема номадизма» получает серьезное обоснование связи с экологической средой – с одной стороны, и в социальной характеристике обращается внимание на значение «родства и генеалогии», – с другой. В трудах Рашид ад-Дина и Ибн Халдуна [6, 7] и их последователей кочевники впервые становятся не антиподом

цивилизации, а ее интегральной, составной и даже необходимой адаптирующей частью. В Западной Европе в новое время возобновились попытки заново определить место кочевников в целом историческом процессе.

Помимо подобных направлений, на рубеже XIX–XX веков в российской историографии возникает в качестве культурно-философского течения концепция пантюркизма и евразийства. В них отражается комплексное представление о целостной эволюции кочевой культуры тюркских народов, об исторической общности их судьбы. Эта идея обосновывалась как альтернатива евроцентризму и исламизации.

В противовес идее пантюркизма и евразийства возникает в советской исторической науке концепция «автохтонизма» (до 30-х годов XX в.). Эта версия предполагала, что «никогда не было и не существует какого-либо тюркского этнического единства, и сам термин «тюрк» первоначально обозначал не все родственные по языку племена, а лишь одну их группу. Все современные тюркские народы генетически связаны с территориями их нынешнего обитания. И естественно, между народами, говорящими на разных тюркских языках, существуют значительные ментальные, культурные и антропологические различия».

В 20-30 годах XX века идея автохтонизма получает мощную политическую поддержку. Именно эта концепция становится идеологической основой советской власти проведения политики «национального размежевания» Туркестана на «национальные потоки». В такой ситуации в 1936 году появляются на географической карте регионы Казахстана и Средней Азии. Особенно после оглашения позиции ВКП(б) (1929) – «классовой борьбы», исследование «номадизма» с позиции концепции «тюркизма», «евразийства» станут «неприемлемой темой». История Казахстана и Средней Азии будут исследоваться только в рамках «псевдомарксистского направления». Племена и народности древности и средневековья будут трактоваться как «исчезнувшие народы». Постановка проблемы «кочевого способа» как части «азиатского способа производства» останется до «лучших времен» (как раз сегодня «лучшие времена»).

К середине XX века складывается однозначная теоретико-методологическая характеристика, согласно которой в основу модели развития казахского (кочевого) общества был заложен дефицит оседлых. Этот подход ставил такие задачи, как: прояснение и уточнение вопроса по поводу форм собственности на основные средства производства; определение сущности производственных отношений; уровень развития кочевого общества. Подобное отчуждало попытку создания типологий национальной истории в целом. Был неверен не выбранный угол зрения на проблему, а заимствование заведомо отсутствующих критериев основных понятий. Поэтому хорошо опробованная на оседлых народах теория формаций дала сбой и оказалась непригодной для развития кочевых обществ. Это наглядно показывают споры об отнесении кочевников к определенной формации и попытки предложить средний вариант: патриархально-родовое, патриархально-феодалное, минуя капитализм и т.д. и т.п. Но, как оказалось, особенности, характерные для определенных стадий развития эволюции оседлых народов, совсем не обязательно присутствуют в кочевых обществах, а признаки различных этапов «формации» могут существовать у кочевников одновременно.

Например, по марксизму, правильнее всего признать, что схема «род–племя–народ–нация» относится к общественному развитию, т.е. лежит в другой плоскости. Для культуры казахов самым главным было причислить себя к сакральным первопредкам, т.е. происхождение от «первопредка» играла главную роль в жизни номадов. Мощная идеология шежиры, зародившаяся еще в глубокой древности об Алаша хане, продолжала жить во времена саков, гуннов, тюрков, огузов, карлуков, кыпшаков, монголов. На нее наслаивались кое-какие элементы, новые имена, но суть оставалась прежней. В период образования Казахского ханства культ Алаша-хана оживает и начинает служить новому государству как национальная идея. Именно в этот период (XV–XVI вв.) строится мавзолей в честь первого степного хана.

В 70-е годы дискуссии приобретают несколько иной характер, поскольку ставилась под сомнение «однозначность» развития классовых отношений у номадов. Несогласных с этой позицией исследователей было совсем немного, к ним можно причислить О. Сулейменова, Л. Н. Гумилева, С. М. Ахинжанова и других видных деятелей науки. Но общее место в большинстве работ – обозначение того, что номады в цивилизационном плане уступают оседлым.

В современный период больше внимания стало обращать внимание на отличия номадов от оседлых, на особенности их социально-политической организации, специфических путей функционирования и развития. Обусловлено это процессом смены методологической парадигмы и коренным переосмыслением стереотипов и установок.

В последнее время значительно возрос интерес к рассмотрению номадизма с позиций активно применяемого сегодня цивилизационного подхода. Подтверждением служит заслуживающие внимания в данной области научные работы отечественных ученых: Б. Нуржанова, Д. Кшибекова, Т. Габитова, Х. Аргынбаева, Ж. Молдабекова, А. Кодара, С. Булекбаева, К. Бегалинова, А. Кадырбаева, А. Наурзбаева, Е. Инкарбаева, А. Мирзабекова и многих других.

Как уже предлагалось, без теории (концепции) обойтись невозможно. Без него связано бесконечное изобретение велосипедов. В данной мысли не рассматривается историческая эпистемология. В центре внимания автора проблемы самой истории, исторического процесса. Если мы трактуем историю как «развитие», перед нами неизбежно встает вопрос: что же при этом развивается, что же является субстратом исторического процесса, его субъектом. Без решения этой проблемы невозможно понимание сущности исторического процесса. Нельзя понять историю, не выявив ее субъекта и исторического исследования.

Решение этой проблемы неизбежно предполагает ответ на вопросы о природе понятий социально-политического и экономического плана, этноса, государства, культуры, цивилизации, а также выявление отношения между всеми этими понятиями. Выявление субъекта исторического процесса открывает путь к пониманию самого этого процесса.

В целом на сегодня существуют два основополагающих подхода: унитарно-стадиальный и универсально-плюралистический. В рамках первого выделяются две основные концепции – марксистская и либерально-модернизационная. Наиболее популярным и разрабатываемым сегодня является второй, универсально-

плюралистический подход, рассматривающий историю человечества как культуру различных, самостоятельных образований, имеющих свою самобытную культуру. В основе данного подхода присутствует преимущество – его принципы применимы к культуре любой страны и любой группы стран. Важнейшее его достоинство – представление о цивилизации как о многолинейном, многовариантном процессе. Эта теория в значительной мере учитывает и может включать методики других школ и направлений. Она носит сравнительный характер. То есть по логике этого подхода существует множество цивилизационных образований.

В настоящее время выдвигают еще такие модели, в которой «связи» стали специально разрабатываться, именуется мир-системным подходом или мир-системным анализом. Взгляды, в известной степени, развивались в трудах крупнейшего представителя французской исторической школы «Анналов» Ф. Броделя. Признак мира-системы – самодостаточность. Как подчеркивает И. Валлерс-тайн, «мир-система» – не «мировая система», а «система», являющаяся «миром». Мир-система – единица с единым разделением труда и множественностью культур. Существует два вида миров-систем. Один – с единой политической системой – миры-империи, другой – без политического единства – миры-экономики. Миры-экономики – нестабильны, они либо исчезают, либо трансформируются в миры-империи. Миры-империи базируются на способе производства, который автор именует редистрибутивным, данническим, или редистрибутивно-данническим (redistributive-tributary) [8].

Как отмечает Ю. И. Семенов, «если говорить в целом о построениях Ф. Броделя и И. Валер-стайна, то их ценность заключается в пристальном внимании к «горизонтальным», т.е. межсоциальным связям и в стремлении разработать понятия, которые позволили бы их лучше отразить. Им хорошо удалось показать, что, по крайней мере, в новое время невозможно понять историю ни одного конкретного, отдельного общества без учета воздействия на него других таких же обществ, входящих в одну с ним социальную систему, без учета места, занимаемого им в этой системе. Исследование системы социоисторических организмов как целого – необходимое условие понимания развития каждого отдельного общества, входящего в эту систему» [1, с. 212-221].

Американский ученый Д. Уилкинсон, стремящийся к синтезу цивилизационного и мир-системного подходов, выделяет при этом в качестве предмета анализа «центральную цивилизацию». Цивилизация для Уилкинсона – прежде всего городское общество, политические и культурные отношения городов. Не случайно, поэтому наиболее интересные исследования автора связаны именно с историей города. Изменение положения цивилизации в мировом сообществе определяется тенденциями развития ее городов. Привлекая обширную статистику, Уилкинсон показывает, как кризис цивилизации связан с упадком городских центров, прежде всего столиц. Однако он может проявляться и в росте крупных городов нестоличного типа (за счет падения роли столицы). Об упадке цивилизации свидетельствует и угасание городов ее полупериферии – зоны зависимого развития. Упадок городов центральной цивилизации, оказывается, связан с утратой власти над полупериферией, децентрализацией всей системы, развертыванием внутрицивилизационных войн, а затем и войн в центре цивилизации, довершающих ее распад [9]. Как этого видим на примере нашей истории.

Воплощение формационного анализа в различных исторических организмах и их системах породила глобальное понимание культуры. Глобалистика становится привлекательным полем исследования для сторонников теории цивилизаций постольку, поскольку размежевывается с евро-центризмом и идеалом вестернизации. Такой поворот темы открывает возможности для синтеза миросистемного подхода и теории цивилизаций. Чтобы понять цивилизацию, надо найти выражение скрытого основания коммуникаций, таких как гипотеза лингвистической относительности, по которой картины мира принципиально множественны, зависимы от комплекса идей, заложенного в языке. Отсюда и рост роли микро- и макросистемы в структуре культурфилософской науки последних десятилетий вызван не только изменением методологической ситуации, но и закатом идеологической эры, становлением нового образа общества. Новый синтез идей потребовал культурфилософского подкрепления, переосмысления традиций теории цивилизаций.

Это – одна сторона актуальной проблемы казахстанской исторической науки, другая – как создать учебную программу для студентов неисторических специальностей, для того, чтобы в нем отражались не материал фактов школьной программы, а способы осмыслений в системе мировой культуры и ретроспективного анализ исторического процесса.

«Комиссиям» особенно важно обратить внимание на студентов бакалавриата непрофильных вузов, т.е. неисторических специальностей. А проблема вот в следующем. Отношение нарративной и объясняющей истории в какой-то степени аналогично отношению между экспериментальной и теоретической социологией. Но если в социологической науке значение социальной теории обще-признано и никто не сомневается в необходимости специальности социолога-теоретика, то в истории дело обстоит совершенно по-другому. Существование теоретической истории не признается. Если и появляются работы по теоретической истории, то они определяются по ведомству к философии, либо социологии, или к политологии. Это к тому, что исторической науке пришло время обратиться к философам, культурологам, политологам, социологам, антропологам. Здесь сошлюсь на русского историка П. Н. Савицкого, основателя школы «евразийства». Он актуализирует проблему номиналогии и выделяет следующие задачи:

- исследование кочевого мира в его единстве и целостности;
- изучение кочевого мира в его месторазвитии;
- рассмотрение «степной магистрали» кочевого мира как принципа строения хозяйственной инфраструктуры всемирной истории;
- исследование военной истории кочевников, как огромной главой всемирной истории;
- изучение взаимодействия кочевого мира с внешним миром;
- рассмотрение кочевого мира как нечто текучего. Для систематики геополитических движений в пределах евразийских степей важно указать еще на одну группу явлений – случаи расщепления на два, на три, на четыре степных народа, т.е. процесс этнографической «бифуркации» (раздвоения). Последовательность настолько ярка, что можно говорить о геополитической повторяемости событий. История кочевого мира дает богатый материал для построения теории повторяемости событий.

– исследование самобытности кочевого мира, в частности, кочевым миром создание примечательного звериного стиля;

– исследование культурной среды степного мира, выступающей в качестве целого со сравнительно тесной внутренней связью. Судьбы этого культурно-исторического целого и составляют историю Евразии;

– рассмотрение историософского самопротивопоставления степного мира;

– степному народу необходимость дать новое имя, например, «степные арийцы». В изучении кочевого мира, как оно практиковалось до сих пор, относительно большое внимание уделялось исследованию этнографической принадлежности отдельных кочевых народов. Необходимо подчеркнуть, что «общность кочевой жизни и культуры была сильнее племенных различий»;

– выведение кочевниковедения на путь самостоятельной отрасли знания. Народы эти должны определить свое место и свою почетную роль в общем деле России – Евразии [10].

Таковы общие контуры евразийской концепты, в частности, исследования проблемы кочевнико-ведения. Правда, в 30-х годах XX столетия в силу исторических обстоятельств евразийство потерпело крах как общественно-политическое движение, но его идеи оказались весьма плодотворными.

Что касается начала цивилизационных очагов на территории Казахстана, то наши исследователи появление первых признаков относят к эпохе неолита (ботайская культура, культура всадников). Однако подлинный расцвет данного региона в контексте мировой истории, приведший в жизнь бессмертные творения оригинальной степной культуры, пришелся на временной срез – XVIII вв. до н.э. – XV в. н.э., требующих своего осмысления:

– номады укротили и поставили на служение резвых коней-скакунов, изобрели и сделали достоянием человечества такие решающие достижения цивилизации как уздечка, седло и конская сбруя, придумали колесо и сконструировали арбу;

– культура была ороакустической, т.е. ориентированной на устное слово. Искусство устного слова ценилось столь высоко, что оно рассматривалось как высшее достоинство не только оратора и жырау, но и политика. И, тем не менее, высшее достижение – создание письма. Руническое письмо – это отдельное исследование. Вкратце можно сказать, что рунические знаки, руническое письмо, орнаментарное искусство – это трансляция стоянки сознания, внутренний импульс человеческого сознания, символ. Руна толкуется как «носящий информацию», она комплекс понятий и смыслов. Все знаки руны являются кирпичами мироздания;

– в вопросе о религиозных верованиях – не обошлось без противоречивых суждений и взаимоисключающих мнений. Тем не менее, появление духовного сознания – это суммарный результат деятельно-практических и мыслительных усилий. Ибо, прежде чем обрести способность различать добро и зло, он должен осознать себя как существо божественное; прежде чем сформулировать для себя нравственные предписания, он

должен связать себя и идентифицировать детищем Всевышнего. Так рождается в Великой степи «Акт веры». Ницше писал: «Народ, который еще верит в самого себя, имеет также и своего собственного Бога» [11, с. 30]. Эффективность человека – это действительность его великих богов. «Бог и боги – первые творения поэтического дара человека: в них он представляет себе сущность явлений как бы исходящей от первопричины. Невольно он принимает за эту первопричину свое собственное человеческое существо, которым она единственно обосновывается», – так было отмечено Р. Вагнером в труде Кольцо Нибелунга [12]. Народы, принявшие статутные правила собственных предков, отличаются своей преданностью Родине и духу своей земли. Иерархия богов и ранги героев – отражение построения законов – становятся основой генеалогии народа.

Все это говорит о том, чтономадам было чуждо механистическое восприятие времени как простое чередование событий. Через память о предках, через предания о великих богатырях и военных сражениях история органично входила в жизнь человека. Время для него имело сакральный смысл, пространство было одухотворено осознанием включенности человека и общества в природу. Традиция предписывала номаду жить в гармонии с природой, чтить предков, соблюдать обычаи своего народа. Коллективная память в форме «традиции» хранила способы противостояния «хаосу» и спасения «космоса» как организованного начала.

Теперь о самом главном. Предлагаемый курс учебной программы выглядит в такой форме.

1. Введение
2. Кочевой способ – тип исторической формы развития
3. Природа этногенеза в процессе формирования этнополитического альянса казахов
4. Природа и динамика эволюции форм государств
5. Духовная культура кочевой цивилизации
6. Эпоха Зар заман (XVIII–XIX вв.) в контексте «Россия-Восток»
7. Национально-освободительная борьба казахского народа за «Независимость» (2-ая пол. XVIII – начала XX в.)
8. Культура Казахстана в XIX веке
9. Общественно-политическая жизнь на рубеже XIX–XX вв.
10. Советская модернизация
11. Казахстан на современном этапе.

Курс изучается в контексте кочевой цивилизации. Она позволит в едином ключе отобразить и проанализировать цепь эволюционных процессов, проистекавших в пространстве Евразии на протяжении четырех тысячелетий. Методологический подход и постановка структуры курса построена на целостном восприятии и обобщения характеристик, свойственных феномену проекции социального пространства кочевой

цивилизации. Предложенный вариант поможет студентам целостно осмыслить национальную историю в системе мировой культуры как действию общих и особенных законов и закономерностей. Тем самым, данная программа заложит основы исторического мышления в ретроспективе исторического сознания.

Основным направлением данной идеи явились не столько новые факты реальности, сколько уже существующие стереотипы их объяснений, и придать феномену смысл проблематичного статуса. В способе интерпретации проявляется выработка понятийных средств для выражения и анализа тех типов системной организации, которые еще только осваиваются наличной культурой.

Таким образом, сегодня проблема подбора законов историологической пути казахстанской цивилизации в историософских исследованиях не менее, если не более актуальна, для того, чтобы с точки зрения пространственно-временной характеристики отразить целиком весь лес и рассмотреть в нем отдельные деревья.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Семенов Ю.И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). – М.: «Современные тетради», 2003. – 776 с.
- 2 Назарбаев Н.А. http://www.akorda.kz/ru/page/page_memleket-basshysy-nursultan-nazarbaev-astanadaly-beibitshilik-zhane-kelisim-sara_1348723602
- 3 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: Изд-во АСТ, 2003. – 603 с.
- 4 Кара-Мурза С.Г. Евроцентризм: эдипов комплекс интеллигенции. <http://bookz.ru/authors/sergei-kara-murza>.
- 5 Уалиханов Ш. Избранные произведения. – М.: Наука, 1986. – С.158.
- 6 Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Пер. с перс. О. И. Смирновой, ред. проф. А. А. Семенова. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1952. – Т. 1. – С. 251.
- 7 Ибн Халдун. Тарих Ибн Халдун (Большая история). – Бейрут, 1992. – 248 с.
- 8 Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П. М. Кудюкина; под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 419 с.
- 9 Ионов И.Н. Теория цивилизаций на рубеже XXI века // Общественные науки и современность. – 1999. – № 2. – С. 127-138.
- 10 Савицкий П.Н. О задачах кочевниковедения. (Почему скифы и гунны должны быть интересны для русского?) // <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/index.html>.
- 11 Сумерки богов / Сост. и общ. ред. А. А. Яковлева. – М.: Политиздат, 1989. – 398 с.

12 Рихард Вагнер. Кольцо Нибелунга. – М.: Эксмо–Пресс, 2001. – С. 534.

REFERENCES

- 1 Semenov Ju. I. Filosofija istorii. (Obshhaja teorija, osnovnye problemy, idei i koncepcii ot drevnosti do nashih dnei). M.: «Sovremennye tetradi». 2003. 776 s.
- 2 Nazarbaev N.A. http://www.akorda.kz/ru/page/page_memleket-basshysy-nursultan-nazarbaev-astanadahy-beibitshilik-zhane-kelisim-sara_1348723602
- 3 Hantington S. Stolknovenie civilizacij. M.: Izd-vo AST, 2003. 603 s.
- 4 Kara-Murza S.G. Evrocentrizm: jedipov kompleks intelligencii. <http://bookz.ru/authors/sergei-kara-murza>.
- 5 Ualihanov Sh. Izbrannye proizvedenija. M.: Nauka, 1986. S. 158.
- 6 Rashid ad-Din. Sbornik letopisej / Per. s pers. O. I. Smirnovoj, red. prof. A. A. Semenova. M.: Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1952. T. 1. S. 251.
- 7 Ibn Haldun. Tarih Ibn Haldun (Bol'shaja istorija). Bejrut, 1992. – 248 s.
- 8 Vallerstajn I. Analiz mirovyh sistem i situacija v sovremennom mire / Per. s angl. P. M. Kudjukina; pod red. B. Ju. Kagarlickogo. SPb.: Universitetskaja kniga, 2001. 419 s.
- 9 Ionov I.N. Teorija civilizacij na rubezhe XXI veka. Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 1999. № 2. S. 127-138.
- 10 Savickij P.N. O zadachah kochevnikovedenija. (Pochemu skify i gunny dolzhny byt' interesny dlja russkogo?). <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/index.html>.
- 11 Sumerki bogov / Sost. i obshh. red. A. A. Jakovleva. M.: Politizdat, 1989. 398 s.
- 12 Rihard Vagner. Kol'co Nibelunga. M.: Jeksmo-Press, 2001. С. 534.

Резюме

Б. Г. Нұсман

(Қарағанды мемлекеттік техникалық университеті, Қарағанды, Қазақстан Республикасы)

БЕЙІМДІ ЕМЕС ЖОҒАРЫ ОРЫНДАРЫНДАҒЫ

ҰЛТТЫҚ ТАРИХТЫҢ ТҰЖЫРЫМДАМАСЫНА

Автор осы мақалада, тарихи құбылыстарын баяндауда жарық көрген тарихи уақыт шеңберіндегі әртүрлі көзқарастарды салыстыра отырып, заманымен дәлелденген өркениеттік тәсілді ұсынады. Осы қағидалы жағдай оқу бағдарламасының зерттеу негізіне тиесілі. Ол историософия ғылымдарының табыстарын ескереді және жинақтайды, сондай-ақ ұлттық тарихтың оқу пәні ретінде бейімді емес жоғары оқу орындарында айтылмыш курсты оқытуда қазіргі талаптарға сәйкес әзірленген.

Тірек сөздер: оқу бағдарламасы, бейімді емес жоғары оқу орны, тарихи құбылыстар, ұлттық тарих.

Summary

B. G. Nugman

(Karaganda state Technical university, Karaganda, Republic of Kazakhstan)

TO CONCEPTION OF NATIONAL HISTORY

IN UNPROFILE HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS

In this article the author, comparing in the historical cut various approaches that exist in the coverage of this or that historical phenomenon causes the most reasoned time civilizational approach. This theoretical position is put in the basis of research of the curriculum. Developed in accordance with the current requirements of this course in nonspecialized high schools, it takes into account and summarizes achievements historiosofic science, as well as national history as an academic discipline.

Keywords: curriculum, a non-core University, historical events of national history.

Поступила 04.06.2013 г.